

подарю, королю наш милостивый! [СБЛ, с. 183], а таксама захоўваюць трывалыя пазіцыі ў беларускай дыялектнай мове [Крывіцкі, с. 168], мастацкай і вусна-паэтычнай сфэры: *Добры вечар, пане гаспадару*, <...> [БФ 1973, с. 65]; *Коце, браце, мяне ліска нясе* <...> [БНК 1981, с. 18]; *Вось, панічыку, вам грошы: нідзе не дастала!* [Колас, 1982; с. 100].

Паколькі для размоўнай мовы характэрна сфера персанальных адносін, пры якіх неабходна не толькі назваць прафэсію або пасаду чалавека, але і абзначыць пол, то для абзначэння асобы жаночага полу ўжываюцца асабовыя назойнікі жаночага роду, што ў беларускай літаратурнай мове з'яўляецца парушэннем нормы: *дырэктарка пайшла на ўрок, падыдзі да маёй сакратаркі, мая загадчыца*.

Разгледжаны матэрыял сведчыць пра пэўны ўплыў на марфалагічную сістэму з боку дыялектнага беларускага маўлення (часцей паўночна-заходняй зоны) і тых моў, якія традыцыйна ўжываюцца ў рэгіёне даследавання. Вынікі інтэрферэнцыі выяўляюцца ў спецыфіцы шэрагу граматычных форм знамянальных часцін мовы. Некаторыя з'явы, напрыклад, падпарадкаванне граматычнай будовы запазычаных намінацый словаўтваральным законам беларускай мовы, характэрны таксама і для беларускай мовы метраполіі. Як бачым, уплыў іншых моў у сітуацыі полілінгвізму можа актывізаваць некаторыя агульнабеларускія працэсы.

Літаратура

1. Беларускі фальклор у сучасных запісах. Брэсц. вобл. Традыцыйныя жанры / склад. В. А. Захарава. – Мінск : БДУ, 1980.
2. Беларускія народныя казкі: [Для мал. школ. узросту] / склад. І. Разанаў; маст. А. Лось. – 2-е выд. – Мінск : Юнацтва, 1981.
3. *Кміта-Чарнабыльскі Ф.* Лист 12 до Генриха Валуа, короля Речи Посполитой / Ф. Кміта-Чарнабыльскі // *Старажытная беларуская літаратура: зб. для ст. шк. узросту* / уклад. Л. С. Курбека; аўт. прадм. У. Г. Кароткі. – Мінск : Юнацтва, 1990.
4. *Колас, Я.* На ростанях: Трылогія / Я. Колас. – Мінск : Юнацтва, 1982.
5. *Крывіцкі, А. А.* Дыялекталогія беларускай мовы: дапам. для філал. спецыяльнасцей ВНУ / А. А. Крывіцкі. – Мінск : Вышэйш. шк., 2003.
6. Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі: у 2 т. / уклад. Е. С. Мяцельская [і інш.]; пад рэд. Е. С. Мяцельскай. – Мінск : Універсітэцкае, 1990. – Т. 1: А – П.
7. *Рыболовлев, Н. Р.* Обращение в польском речевом этикете (польско-русское сопоставление) / Н. Р. Раболовлев // *Исследование славянских языков и литератур в высшей школе: достижения и перспективы* : информац. материалы и тез. докл. междунар. науч. конф. / под ред. В. П. Гудкова, А. Г. Машковой, С. С. Скорвида. – М. : МГУ, 2003.
8. *Kučinskaitė, Austė.* Lietuvių kalbos etiketas. – 2-asis patais. ir papild. leid. – Vilnius : Mokslas, 1990.
9. *Čekmonas, V., Čekmonienė, I.* Lietuvių kalbos visiems. – Литовский язык для всех. – Vilnius: Valstybinio nacionalinis tyrimų centro leidykla, 1992. – Sąs. 1.

Е. С. Полякова (Минск, Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ ТЕКСТА И ЯЗЫКА МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК КВАЗИСУБЪЕКТА

Роль музыкального искусства в жизни человека трудно переоценить. Суть эмоционально-развивающей силы музыкального искусства современной наукой не подвергается сомнению. Прежде всего, звучащая музыка – это огромная эмоциональная информация, которую человек получает в процессе музыкального восприятия. В. В. Медушевский подчеркивает, что «...ассоциативные связи, отчасти основанные на жизненном опыте, отчасти сформированные музыкальной традицией, обеспечивают функционирование музыкального “языка эмоций”, выступающего как средство познания нашего внутреннего мира и как средство общения» [1, с. 56]. Музыка не только воспроизводит внутреннюю структуру эмоции или чувства, но и «заражает» ими. Она вся обращена к сфере эмоций. Поскольку познание и общение являются общепризнанными факторами становления и формирования человека, постольку рецепция в чистом виде этого языка эмоций не может не развивать личность, музыкальный образ оказывает глубокое воздействие, влияя на эмоциональное состояние человека, вызывая устойчивые эмоциональные переживания. Восприятие мягкого, спокойного, лирического произведения снимает излишнее перевозбуждение нервной системы, и наоборот, полусонного и равнодушного человека эмоциональный заряд музыкального произведения возбуждает, оживляет, придает силы.

Музыка как символический язык, отражающий эмоционально-экспрессивное содержание, всегда требует индивидуального раскрытия. Однако информация, которую несет в себе музыкальное произведение, является многозначной. Композитор, создавая музыкальное произведение, никогда не может точно знать, что «скажет» это произведение последующим поколениям, какие смыслы музыка обретет через 100 или 200 лет. Восприятие одного и того же произведения вариативно не только по отношению к разным людям, но и ко всему человечеству, особенно на разных стадиях его развития. Изменение с течением времени совокупного опыта человечества обеспечивает возникновение новых смыслов и новых значений музыкальных произведений прошлого. Как указывает А. А. Щербакова, в художественном общении один из участников является квазисубъектом (художественное произведение). По мысли ученого, квазисубъект является объектом, обладающим субъектной информацией [5]. С. Л. Старобинский определяет квазисубъект как воображаемого партнера [4].

Действительно, музыкальное произведение является весьма сложным образованием, включающим помимо текста, переданного графической записью и отражающего объективный абрис художественного образа, весь социокультурный контекст создания произведения, личностные параметры композитора, его отношение к созданному художественному образу и прочее. Особое значение имеет эмоциональная

программа музыкального произведения, отражающая сущность лирического героя, его переживания, мироощущение и позволяющая взаимодействовать с этим героем как учителю, так и ученику в плане рецепции и интерпретации музыки. Музыка взаимодействует с личностными пространствами преподавателя и обучающихся. Музыкальное произведение никогда не вмещается в рамки сиюминутного, а существует в ином измерении, неся в себе всю многозначность смыслов музыкально-эстетической информации (прошлой и будущей). Именно многозначность смыслов образует *музыкальное информационное поле*, характеристики которого обусловлены звучащими на этом пространстве музыкальными произведениями.

Воздействие музыкальной информации во многих случаях не осознаваемо личностью, что не исключает глубокого ее проникновения в подсознание человека. Преодолевая барьеры сознания, музыкальная информация действует скрытно, включает интуитивные механизмы ее восприятия и переработки. Переживание, через восприятие музыкального произведения, воображаемого эмоционального опыта может стать эффективным механизмом развития и формирования личности [2–3].

Таким образом, опыт эмоциональных переживаний, духовно-нравственный опыт, отраженный композиторами прошлого в своих произведениях, может быть передан человеку XXI в. Укрепление опыта своих реальных эмоционально-чувственных переживаний может с успехом осуществляться при усвоении слушателем, исполнителем опыта воображаемого. По мнению Г. Малера, только собственные переживания делают человека способным к творчеству в области музыки.

Рассмотрим особенности рецепции квазисубъекта как текста, выраженного языком эмоций. Прежде всего, *музыкальное произведение* существует во времени, предъявляя себя в *развитии и изменении*. Музыкальный образ разворачивается перед слушателем, который через музыкальное произведение и смыслообретение познает самого себя. С помощью интроспекции, индентификации и интерпретации происходит двунаправленный процесс: познание субъектом музыкального произведения (внешняя направленность) и самопознание субъекта (внутренняя направленность). Превращение слушателя в объект познания самого себя происходит через отражение его сущности в музыкальном произведении в виде понятых, принятых, присвоенных и усвоенных смыслов (Е. С. Полякова) [3]. Вариативность смыслов и связанных с ними (смыслами) значений музыкального произведения для человека отражает имманентно присущую квазисубъекту изменчивость, основанную на многозначности художественно-эстетической информации. Можно констатировать, что в процессе рецепции происходит самопознание воспринимающей личности, причем посредником в самопознании выступает квазисубъект, музыкальное произведение.

Далее, эмоциональная программа музыкального произведения обеспечивает, в определенной степени, *автономность существования и независимость функционирования музыкального образа*, способного предъявлять себя (даже для одного

и того же слушателя) в разное время существования как субъекта восприятия, так и квазисубъекта по-разному. В процессе онтогенеза человек может обращаться к одному и тому же произведению несчетное количество раз. На каждой стадии своего жизнеосуществления для него характерно аксиологическое расширение личностных смыслов культурных феноменов.

Следует отметить, что музыкальное информационное поле обеспечивает взаимосвязь, взаимодействие субъекта восприятия с музыкальным образом, его эмоциональной составляющей, личностью композитора, создавшего этот музыкальный образ, эпохой, в которой было создано музыкальное произведение и т. д. Информационная составляющая коммуникативного акта детерминирована многозначностью музыкального образа, его мобильностью и интерпретационной вариантностью.

Квазисубъект обеспечивает коррекцию и регуляцию воспринимающей музыку личности, ее изменение, трансформацию как в модели мгновенного времени (в процессе проживания и переживания музыкального образа), так и в модели линейного времени (в процессе пролонгированного осознания личностью своего музыкального опыта). Однако, с точки зрения воспринимающего субъекта, изменения происходят и в музыкальном произведении: возникают новые смыслы, произведение приобретает новое значение для человека, на разных стадиях онтогенеза оно по-разному категоризируется. С точки зрения нарративно-эмоционального мышления, музыкальное произведение регулируется, изменяется в субъективной реальности воспринимающей музыку личности.

Возникает вопрос, существует ли музыкальная информация вне исполнительского звучания музыкального произведения, когда имеет место только его нотная запись? Если принять во внимание, что любая запись является опосредованным выражением звукового содержания музыкального образа, то является. Закодированная в нотной записи музыкальная информация существует объективно, но для того, чтобы субъект музыкально-педагогического процесса превратил эту информацию в знание, необходима его декодировка: озвучивание, непосредственно связанное с пересозданием звукового материала, его осмыслением и преобразованием – то, что называется истолкованием музыкального произведения, его интерпретацией. Только в этом случае музыкальная информация будет усвоена, актуализирована и превратится в музыкальное знание. О том, каким будет это знание, может свидетельствовать педагогический репертуар, те индивидуальные исполнительские программы, над которыми работают преподаватель и студент и которые в звуковом своем воплощении составляют информационное музыкальное поле.

Временной аспект интерпретации музыкального произведения исполнителем и восприятия его слушателем затрагивает три инобытия времени: прошлое, настоящее и будущее. Для исполнителя в процессе пересоздания музыкального произведения происходит проскопия будущего эмоционального переживания, слушатель же превосхищает эмоциональное впечатление. Озвучивание музыкального произведения связано с переживанием и исполнителем, и слушателем эмоциональной програм-

мы произведения в настоящем времени. И, наконец, процессы истолкования и категоризации музыкального произведения обеспечиваются воспоминаниями о прошедших эмоциональных переживаниях, которые осмысливаются и структурируются.

Таким образом, субъективное и объективное начало присутствуют в любой интерпретации, концентрируя в себе многозначность каждого индивидуального прочтения и восприятия и однозначность узнаваемого всеми музыкального образа, объективированного в тексте и переданного индивидуально воспринимаемым эмоциональным языком музыкального искусства. Чем больше смысла вкладывается субъектом в интерпретацию, тем большее значение имеет музыкальное произведение для человека. Интерпретация актуализирует поиски субъективного смысла музыкального произведения и его объективного значения.

📖 Литература

1. Медушевский, В. В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки / В. В. Медушевский. – М. : Музыка, 1976.
2. Мольц, М. Психобибернетика / М. Мольц. – СПб. : Питер, 2002.
3. Полякова, Е. С. Психологические основы музыкально-педагогической деятельности : монография / Е. С. Полякова. – 2-е изд. испр. – Минск : БГПУ, 2005.
4. Старобинский, С. Л. Художественно-педагогическое общение как общение художественными средствами / С. Л. Старобинский // Урок музыки в современной школе. Методологические и методические проблемы современного музыкального образования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / ред.-сост. Б. С. Рачина. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2012.
5. Щербакоева, А. А. Информация в коммуникативном контакте и в общении. Опыт анализа / А. А. Щербакоева. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [ftp://lib.herzen.spb.ru/text/scherbakova_10_59_325_335\[1\].pdf-S&T Documentation Viewer](ftp://lib.herzen.spb.ru/text/scherbakova_10_59_325_335[1].pdf-S&T Documentation Viewer). – Дата доступа: 29.04.2012.

В. У. Праконіна (Мінск, Беларусь)

ЗАПАЗЫЧАННІ Ё БЕЛАРУСКАЙ ЭКАНАМІЧНАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ

У сувязі са з'яўленнем новых прадметаў, рэалій і з'яў запазычаныя тэрміны актыўна пранікаюць у беларускую эканамічную тэрміналогію.

Мэта даследавання – прасачыць экстра- і інтралінгвістычныя фактары, што уплывалі на пранікненне запазычанняў у беларускую эканамічную тэрміналогію на працягу XX – XXI стст., а таксама выявіць, з якіх моў былі запазычаны адпаведныя тэрміны.

Для выяўлення запазычанняў розных тыпаў былі адабраны эканамічныя тэрміны як са сферы фіксацыі (слоўнікі, слоўнікі-дадаткі) беларускай эканамічнай тэрміналогіі, так і са сферы функцыянавання (падручнікі, вучэбныя дапаможнікі, тэксты лекцый, метадычныя распрацоўкі).

З'яўленне запазычанняў, на наш погляд, варта разглядаць у кантэксце гісторыі развіцця беларускай эканамічнай тэрміналогіі. Так, першая палова XX ст. – «магутны штуршок у напрамку развіцця нацыянальнай мовы, абумоўлены працэсам нацыянальнага адраджэння. У сувязі з гэтым узнікла неабходнасць у намінацыі раней неабзначаных шматлікіх паняццяў і рэалій, у стварэнні навуковай тэрміналогіі і аднаўленні фактычна страчанага за гады заняпаду беларускай мовы пласта абстрактнай лексікі» [5, с. 69]. Тэрміны ствараліся як за кошт уласных моўных сродкаў, так і запазычаліся, у першую чаргу з польскай, рускай, украінскай, паколькі моўныя кантакты былі наладжаны з суседнімі краінамі. Так, у «Слоўніку бугальтэрскае тэрміналогіі» (1928), а таксама ў вучэбных дапаможніках Л. Любімава «Палітычная эканомія: (пачатковы курс)» (1925) і І. Лапідуса «Палітычная эканомія ў сувязі з тэорыяй савецкай гаспадаркі» (1931) сустракаюцца ўласнабеларускія тэрміналагічныя адзінкі: *першаўзор* (аўтэнтык) [15, с. 53], *абежнік* (інструкцыя) [15, с. 51], *сукладаньне* (састаўленне) [11, с. 199], *гасьба* [15, с. 55] замест *пагазэнне*. Тэрміны, запазычаныя з іншых моў: польскай – *каштарыс* [10, с. 503], *гурт* [15, с. 56], *угода* [15, с. 69], *вартасць* [11, с. 197], з рускай – *палажэнне* [11, с. 199], *парадак* [11, с. 198].

У 1918 г. была выдадзена «Беларуская граматыка для школ» Браніслава Тарашкевіча – падручнік, «у якім на навуковай аснове былі распрацаваны і прыведзены ў сістэму правілы беларускай арфаграфіі, граматыкі, пунктуацыі» [3, с. 14]. Фанетычныя асаблівасці дадзенага правапісу назіраюцца ў тэрмінах першай паловы XX ст.: *актыўныя операцыі* [15, с. 52], *прадукцыйнасць* [11, с. 199], *комэрцыя* [10, с. 503].

У пачатку 20-х гг. XX ст. у краіне з мэтай нацыянальна-культурнага будаўніцтва праводзілася палітыка беларусізацыі. Мерапрыемствы ў межах гэтай палітыкі скіроўваліся на замацаванне статусу беларускай мовы ў грамадстве, да пашырэння функцый мовы. Згортванне беларусізацыі, гады рэпрэсій, Вялікая Айчынная вайна выклікалі перапынак у развіцці беларускай эканамічнай тэрмінаграфіі. Як адзначае Г. А. Цыхун, «...уздымы і спады тэрміналагічнай працы і, асабліва, выдавецкай дзейнасці ў галіне тэрміналогіі цесна звязаны са знешнімі умовамі функцыянавання беларускай мовы» [18, с. 7].

Сярэдзіну XX ст. навукоўцамі прынята лічыць часам абагульнення ўжо сабранага беларускага тэрміналагічнага матэрыялу. З гэтай прычыны Акадэмія навук БССР выдае «Слоўнік па эканоміцы: праект для абмеркавання» (1967), эканамічныя тэрміны з якога знайшлі сваё адлюстраванне ў БелСЭ. «Слоўнік па эканоміцы: праект для абмеркавання» меў істотнае значэнне, бо менавіта з яго выдання «працэс распрацоўкі і спарадкавання разглядаанай тэрміналогіі актывізуецца» [16, с. 68]. Тэрміналогі пры ўкладанні слоўнікаў арыентаваліся на рускую эканамічную тэрмінаграфію з прычыны большай яе распрацаванасці на той час. Адпаведна шматлікія эканамічныя тэрміны былі запазычаны з рускай мовы: *цана* [2, с. 47], *ураўнілаўка* [2, с. 40], *уклады* [2, с. 24], *тавар* [2, с. 13] і інш.